

Валерий Романов

Первая скрипка

В свой тридцать один год скрипачка, потомственный музыкант Мариам Золоева уже около пяти лет играет первую скрипку в Одесском театре духовой музыки, регулярно выступает с программами потоковой импровизации, играет на джазовых фестивалях в разных проектах. С моей точки зрения, на сегодняшний день Мариам самая колоритная скрипачка на одесской сцене. Она делится своим видением оркестровых процессов с позиции руководителя струнной группы, а также рассказывает о своем творческом пути и воззрениях.

– Первая скрипка в оркестре: что это означает, в чем заключается эта функция?

– Первая скрипка является второй ключевой фигурой в оркестре после дирижера, и называют ее – «концертмейстер». Функция концертмейстера заключается в передаче импульсов и информации, которая поступает от дирижера посредством жестикюляции, к струнной группе в первую очередь, так как струнная группа является основой оркестра и одновременно это самая многочисленная группа, состоящая из пяти подгрупп: первые и вторые скрипки, альты, виолончели и контрабасы.

Для того, чтоб основа была единым организмом, одним целым с единым дыханием, нужен дополнительный регулировщик, координатор движения, коим является концертмейстер. Таково устройство и специфика оркестра. Когда дирижер и концертмейстер друг с другом достаточно сонастроены, между ними образуется настоящая ментальная связь, позволяющая общаться на интуитивном уровне, что в разы увеличивает скорость передачи импульсов и информации между этими фигурами. Концертмейстер,

Мариам Золоева на сцене в составе оркестра

воспринимая и обрабатывая эти импульсы, как проводник, невербально передает их всему оркестру по цепи.

Таково мое виденье этого тонкого, скрытого от глаз процесса.

– А почему в конце выступления дирижер обычно персонально благодарит первую скрипку?

– А почему бы и нет? Шучу. Похоже на то, что эти фигуры обмениваются рукопожатием в знак признательности друг другу за тончайшее волшебное взаимодействие, о котором упоминалось выше. Могу сказать точно, что благодарность переполняет обоих. Я проверяла.

– Скрипка популярный инструмент. Как она сегодня развивается?

– Очень необычная для меня постановка вопроса, но я попробую ответить. Скрипка действительно все еще довольно популярный инструмент, и это радует. На мой взгляд, мышление

современного скрипача не отличается кардинальным образом от мышления скрипача, жившего, например, в XVIII веке. Я подразумеваю технические и исполнительские основы, какие-то постулаты. В любом ремесле, мастерстве, бананузии есть глубокие корни и правопреемство. И в скрипичном искусстве сохранилась определенная преемственность – связь, тянущаяся сквозь столетия от зарождения инструмента до сего дня.

Полагаю, что скрипка эволюционирует прямо пропорционально человеческой эволюции и зависит от развития культуры в целом, от образования новых направлений, стилей или смешения уже существующих и т. д. Сейчас человечество вошло в информационную эру и осваивает цифровые технологии. Это прямым образом влияет фактически на все сферы жизни. На искусство и творческое выражение также. Пару лет назад у меня появилась пятиструнная электроскрипка, которая несколько расширила мои возможности, за что я испытываю благодарность цифровому веку.

– Как эволюционирует скрипичная музыка? Появляются ли новые технические приемы?

– Скрипка самым прямым образом коррелирует с человеком. Без человека, сама по себе, скрипка просто предмет, в лучшем случае экспонат. Но в руках человека она уже становится инструментом. И человек что с ней только ни делает! Скрипичное искусство очень обширно и повсеместно развито. Этот волшебный инструмент можно добавлять по вкусу, в принципе, в любое музыкальное блюдо.

Создаются ли новые приемы? О да, конечно! Например, я частенько придумываю разные способы звукоизвлечения, особенно на концертах импровизационной и потоковой музыки.

– Ты дочь известного мастера шансона, прекрасного композитора и исполнителя Олега Золоева. Как на твое творчество влияет наследие отца, которого, к сожалению, нет с нами?

– В первую очередь на мое творческое выражение, я уверена, влияет генетическое наследие как отца, так и матери, которая является прекрасной вокалисткой и пианисткой. От родителей мне

достался некий набор данных, включая гармонический слух и музыкально-ритмическое чувство, местами джазовое, а также вокальные задатки. Как-то так я это ощущаю. Также есть что-то самобытное, как у каждого человека.

В последнее время благодаря моей близкой подруге, чудесной вокалистке Амрите, мне стало открываться потоковое пение. Она направила меня в это и помогает раскрыться. Папа всегда хотел, чтоб я пела. Чувствую, что тоже начала этого хотеть. Творчество папы и сегодня меня вдохновляет. Кстати, я уже несколько лет вынашиваю идею поставить его замечательные

мюзиклы: «Необычайная свадьба» и «Небесный Магадан».

– Где тебе интереснее – в большом оркестре или на камерном концерте?

– Мне интересно любое творческое взаимодействие, где я могу быть полезна и где могу быть принята такой, какая я есть, со своими навыками и видением. Для меня очевидной разницы в ощущениях нет. Я работаю уже более четырех лет концертмейстером в оркестре Театра духовой музыки имени Александра Салика. В нашем театре есть чудесный духовой оркестр, и порой наш камерный коллектив соединяется с духовым, образуя симфонический оркестр. Очень радуюсь, когда меня к сотворчеству приглашают в состав оркестра Украинского театра. Там такие люди чудесные работают!

А вообще, хочу искренне признаться: я никогда не имела тяготения работать на постоянной основе в большом коллективе, как, например, люди трудятся в филармонии или в оперном теат-

Мариам Золоева в составе инструментального трио

ре. Так сложилось, что я стала таким себе кочевым музыкантом, работающим одновременно в нескольких коллективах. Люблю играть в небольших коллаборациях. Например, в дуэте с гитарой или клавишными, в джазовых бэндах и струнных квартетах.

– С одной стороны, свободная по форме импровизационная этномузыка, а с другой – полное подчинение партитуре и дирижеру оркестра. Как ты сочетаешь эти два амплуа?

– У моей души есть запрос и на одно взаимодействие, и на другое. С одной стороны, я потоковая, а с другой – достаточно структурная мадемуазель, но для меня естественно жить и проявляться в мире, соединяя эти два состояния.

Последние годы я увлекаюсь этническими и перкуSSIONными музыкальными инструментами. У меня есть своя небольшая коллекция, в которую входят варган, бубен, поющая чаша, тибетские колокольчики, дивья (металлофон), тональный лепестковый барабан (глюкофон) и колокольчики Коши. Все это я с большой любовью использую в концертах этнической музыки и саундхилингах.

Мариам Золоева солирует

- Были у тебя ситуации, когда ты шла поперек воли дирижера?

- Я думаю, что даже у дирижера бывают такие ситуации, когда он идет поперек своей воли, то есть наперекор себе. Естественно, у меня такое бывало, чаще невольно, конечно. Мы все живые люди, и порой связь между нами может барахлить, а сигналы исказиться.

- У тебя наверняка есть пара интересных историй из концертной жизни.

- Помню, однажды в гастролях с оркестром после концерта к нам с коллегами один мужчина подвел двух слепых женщин и попросил что-то исполнить для них. Я почувствовала отклик в сердце и согласилась. Когда начала играть, эти женщины стали плакать. Это было очень волнительно и трогательно. Когда я прекратила звучать, они попросили разрешения прикоснуться к моему лицу, к рукам и инструменту, чтоб «увидеть» с помощью рук того, кто для них звучал.

Еще был интересный случай, когда я училась в консерватории. Как-то мне и моей подруге пианистке предложили принять участие в отчетном концерте на кафедре композиции. Надобно было исполнить произведение одного известного преподавателя нашей консерватории. Времени на подготовку было мало, а высоких нот в какой-то там седьмой-девятой позиции было так много, что у меня аж невроз начался. И я прямо на сцене решила импровизировать вокруг нот, которые были написаны в партии. Насочиняла я, как говорят у нас в Одессе, до утра! Исполняла все максимально уверенно, насколько мне позволяла совесть, да еще и в присутствии композитора.

Когда мы вышли из зала, громко с Таней пианисткой рассмеялись и пошли в класс отдыхать. Через минут десять к нам заходит этот композитор и говорит: «Девочки, ну как же вы чудесно сыграли мое произведение! Это было так ярко! Вы прямо почувствовали, как его нужно исполнить. Мне очень понравилось, благодарю вас». После этих слов я стала чувствовать, как подкапывает дикая волна смеха, которую я не могу сдержать. И меня начало прорывать, я начала давиться смехом, кашлять, пытаться сделать серьезный вид, но у меня не получалось. Такое поведение вызвало много вопросов у композитора, но мы с Таней выкрутились с юмором.

А еще я люблю зависать в каком-нибудь джаз-клубе на джем-сейшене. У нас в Одессе проходят великолепные джаз-фестивали, на которые съезжаются музыканты со всего мира, и периодически мне удается вклинуться в какую-нибудь интернациональную коллаборацию. Просто невероятно – наблюдать, как между людьми происходит такой обмен дарами. А еще невероятнее в этом принимать участие. Эти моменты очень расширяют восприятие.

Фото Алеси Карелиной-Романовой и из архива Мариам Золоевой

